

1996. — 18 окт. — с. 17

Говорить со Жванецким очень трудно. Мы знакомы много лет. И это ощущение «трудности» с годами не прошло.

Он разный.

Я сказал это — и сразу в памяти всплыл такой случай.

Автобус, в котором мы возвращались во Фрунзе с Иссык-Куля после концерта, попал в аварию.

Никто особенно не пострадал, хотя шишек и синяков набили порядком. Что-то горело, дымилось, кто-то выбрасывал в окно вещи, гитары, продукты... Жванецкий сидел и писал в своем блокноте.

Так он работает. Может стоять стол, может быть уютная комната и тишина. Жванецкий не пишет. Но вот трогается поезд, в котором его вещи, а он на перроне, в тапочках, что-то быстро пишет в блокнот и не замечает, что капает дождь. На него нахлынуло.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ:

ЗАНИМАЮСЬ ТРЕЗВЫМИ РАЗМЫШЛЕНИЯМИ...

— Михаил Михайлович, что вы можете сказать о современной юмористической литературе?

— Сложный вопрос...

— Начинать говорить и писать всегда нелегко...

— Нелегко, потому что для ответа мне нужно встать в позу мэтра, начать оценивать, а это мне не свойственно... Ну что сказать? Мне вообще не нравится разделение литературы на юмористическую и неюмористическую. Я не знаю ни одного классика, у которого не было бы юмора. И наоборот: чем, например, не классические произведения романы Ильфа и Петрова? А Булгаков? Ну а что иногда появляется на последних газетных страницах?... Был КВН — они шутили там, сейчас постарели, а шутят тем же языком, все о том же. Засасывает мелкотемье. Юмор стоит по колено в воде и не знает, как оттуда выбраться...

— Занимаясь сатирой...

— Я занимаюсь не сатирой, а трезвыми размышлениями...

— Хорошо, размышлениями... Наблюдаете ли вы какие-то зримые перемены в окружающем мире?

— Примитив уходит. Сейчас за каждым лицом — целая гамма чувств. На поверхность выходят более сложные люди. Сейчас любой карьерист, любой бюрократ умен по крайней мере, это уж факт! Дураков мало, не за кого уцепиться, как прежде. Раньше видим: зеленая шляпа и сапоги коричневые из-под пальто гражданского — и готов образ. А сейчас — и образование, и диплом. И два диплома. И спортивность. И внешность...

— Сравнительно недавно в издательстве «Искусство» вышла ваша книга «Год за два»...

— Теперь уже сравнительно давно...

— Как вы относитесь к мнению, что произведения эстрадных драматургов нужно не пе-

чать, а только слушать с эстрады: мол, в печатном виде они воспринимаются иначе...

— А вы не мне задайте этот вопрос. Вы спросите у читателей: хотели бы они иметь книги авторов эстрады? Они, я думаю, ответят утвердительно. Они хотят текст, который слышат с эстрады, увидеть своими глазами и сохранить у себя в книжном шкафу. Пусть эстрадная драматургия будет особым видом литературы...

— А нужна ли такая книга вам?

— До зарезу! Я же должен оставить у людей что-то после себя... Первые книги я собрал как репертуарные сборники. Если появятся другие, я сделаю так, что они будут читаться более широким кругом людей.

— Мы уже вспоминали имена Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Скоро, кажется, исполняется 75 лет со дня выхода в свет романа «Двенадцать стульев», и я вижу эту книгу у вас на столе... Какие еще книги вы любите перечитывать?

— В основном энциклопедический словарь. Я вообще люблю справочники. Заполняя пробелы в образовании. Пятнадцать лет потратил на учебу. Школа, технический вуз. Восемь лет работал в Одесском порту. Гуманитарного образования не хватает. Приходится чаще заглядывать в энциклопедию...

— Еще очень люблю Бунина. Его книги вызывают целое море тем, ассоциаций... Читаю и тут же, бывает, записываю какие-то свои, разбухшие Буниным мысли.

— Мне предстоит задать вам самый банальный вопрос: «Над чем вы сейчас работаете?»

— У меня больше суеты, чем работы. Это связано с моей жизнью в Москве. Мне очень нравится этот город, здесь живут все мои друзья. И я, как моряк возле моря, должен быть возле этих людей. Хотя само проживание в Москве

меня очень «подкосило». Как-то оно мне «наступило» на руку, на ногу, на ухо. Я не могу привыкнуть к жуткому количеству телефонных звонков. Никак не научусь отличать один звонок от другого, важный от неважного. Сейчас мечтаю куда-то из Москвы уехать, чтобы что-то написать... В своем жанре. Даже если я напишу пьесу, это будет пьеса не в привычном понимании, а растянутая миниатюра. Без сюжета, сюжет я не умею «делать». Может, когда-нибудь научусь...

— Кроме переезда в Москву, какие перемены произошли в вашей жизни за последние годы?

— Хотя эти перемены и носят личный характер, все же касаются работы. И еще путешествий. Стал чаще появляться за границей. В том числе — лично.

— Сейчас принято планировать будущее...

— Что сказать? Попытаюсь...

Мне хочется сесть и написать рассказ, где все-таки наконец прошумит электричка, упадет где-то топор, полыхнет огонь. То есть я начну замечать происходящее вокруг говорящих, то, чего прежде не замечал. Для меня слова, звучащие в воздухе, всегда были главным... Моя литература — это особый вид бокса. Я выхожу на улицу, захожу в магазин, учреждение и, бывает, получаю удар грубостью, хамством, бюрократизмом. Но не отвечаю сразу, а спешу домой, сажусь за машинку и тогда даю сдачи. И если то, что я написал, принимает удачную форму, люди смеются — я счастлив! Если мне удается кому-то облегчить жизнь, заживить чьи-то язвы смехом — я счастлив вдвойне. А не будет этих язв — я писать не буду. Когда я увижу, что недостатков нет, обиженных нет, хамства нет — я буду точно так же счастлив.

Записал Владимир АЛЬБИНИН.
Фото Валерия УТЦА.